

Глава 2. Народный и официальный порядок

Фрагмент 5. Народное и официальное мировосприятие

Я живу в городке Дарем, штат Коннектикут, названном так в честь моего более известного английского тёзки. Неизвестно, в чём тут дело — в тоске по родной земле или в заурядном недостатке воображения, но в Коннектикуте едва ли найдётся город, который не носит английского имени. Индейские топонимы сохранились только в названиях озёр, рек и самого штата. Редкая колонизация обходится без того, чтобы переименовать географические объекты, дабы заявить на них свои права и сделать ближе и удобнее для колонизаторов. В таких разных местах, как Ирландия, Австралия и Западный берег реки Иордан, переименование велось тщательно и скрупулёзно — чтобы вытеснить прежние названия.

Возьмём как пример местное и официальное названия дороги, соединяющей мой Дарем с прибрежным городом Гилфорд, находящимся в 25 км к югу. Жители Дарема между собой называют эту дорогу Гилфорд-роуд, потому что она ведёт в Гилфорд. В Гилфорде эта же дорога называется Дарем-роуд, потому что она ведёт в Дарем. Можно предположить, что те, кто живёт посередине между двумя городами, в зависимости от того, куда они направляются, называют эту дорогу то Дарем-роуд, то Гилфорд-роуд. То, что у одной и той же дороги разные названия, которые зависят исключительно от того, где вы находитесь, наглядно показывает непостоянство народной топонимики и её зависимость от ситуации. Каждое такое название содержит в себе ценное знание данной местности, вероятно, самое важное, что вам нужно знать о дороге — то, куда она ведёт. Народная топонимика приводит не только к появлению одной дороги с двумя названиями, но и многих дорог с одним и тем же названием. Так, в близлежащих городах Киллингворт, Хаддэм, Мэдисон и Мэриден тоже есть дороги, ведущие в Дарем, и местные жители называют их Дарем-роуд.

Теперь давайте представим, с какими непреодолимыми трудностями столкнётся при такой эффективной с точки зрения местных жителей системе посторонний, если он захочет узнать уникальное и определённое название каждой дороги. Дорожные рабочие, которым дали задание залатать Дарем-роуд, совершенно справедливо спросят: «Какую Дарем-роуд?» Неудивительно, что на картах штата и на дорожных знаках дорога между Даремом и Гилфордом фигурирует как Дорога 77. Топонимические практики государства требуют согласованной, стандартизированной системы идентификации, позволяющей наиболее

точно и однозначно указывать на географические объекты. Обозначение «Дорога 77» не сообщает нам, куда ведёт эта дорога; смысл у этого названия появляется в том случае, когда мы расстелим карту, на которой показаны все дороги штата. При этом официальное название может быть жизненно важно: если вы получили серьёзную травму в ДТП на дороге между Даремом и Гилфордом, то будет лучше, если вы недвусмысленно сообщите бригаде скорой помощи, что дорога, на которой вы лежите и истекаете кровью, называется «Дорога 77».

Во многих случаях народная и официальная топонимика пересекаются, и местные названия улиц и дорог кодируют локальное знание. Примерами этого являются Девичий переулок, на котором когда-то жили пять сестер, так и не вышедших замуж и ходивших каждое воскресенье по нему в церковь, улица Сидровая Горка — дорога вверх по холму, на котором когда-то стояла сидроварня, или Молочная улица, где раньше продавали молоко, сметану и масло. Раз уж такое местное название было зафиксировано, оно наверняка было самым удобным и полезным для жителей, хотя чужаки и приезжие не понимали его смысла. Другие названия дорог могут относиться к географическим особенностям местности: Слюдяная Гряда, Голые Камни, Сухой Ручей. Совокупность названий дорог и других объектов — это действительно кладёзь знаний о местной географии и истории, если знать, от чего произошло то или иное название. Приезжие планировщики, налоговики, транспортники, диспетчеры скорой помощи, полицейские и пожарные предпочитают местной системе имен более согласованную и стандартную официальную систему. Дай им волю, они бы создали сетку параллельных улиц с последовательной нумерацией (Первая улица, Вторая улица) или улиц, названных по сторонам света (Первая Северо-Западная улица, Первый Северо-Восточный проспект). Выдающийся пример такого рационального планирования — город Вашингтон. Напротив, в Нью-Йорке используется гибридная система. Для бывших пешеходных тропок, а ныне запутанных дорог и улиц южнее Уолл-стрит, которая проходит на месте ограды первоначального голландского поселения, используют «народные» названия. Севернее Уолл-стрит ветвится удобочитаемая сеть улиц, пересекающих друг друга под прямым углом и за небольшим исключением пронумерованных последовательно. В некоторых городах Среднего Запада США решили, что нумерованные улицы — это слишком скучно, поэтому стали называть их по именам президентов США в порядке их правления. С точки зрения удобства эта система понравится разве что любителям викторин, знающих порядок, в котором идут улицы Полка, Ван Бюрена, Тейлора и Кливленда, хотя с позиций педагогики такой подход имеет свои преимущества.

Народные единицы измерения точны ровно настолько, насколько это необходимо. Это символизируют такие выражения, как «щепотка соли», «на расстоянии брошенного камня», «копна сена», «на расстоянии крика». Во многих случаях народные меры оказываются более точными, чем самые стройные системы, и примером этому может служить совет, который Сквонто [13] дал первым поселенцам в Новой Англии касательно времени засева маиса — новой для них культуры. Говорят, что он велел им «сеять кукурузу, когда листья дуба размером с беличье ушко». Напротив, календарь фермера в XVIII веке обычно рекомендовал сажать растения «после первого майского полнолуния» или в конкретную дату. Можно себе представить, что издатель календаря в первую очередь опасался заморозков, и поэтому хотел перестраховаться. Но рекомендации календаря по-своему жёсткие. Как различаются сроки высадки на прибрежных участках и в центральных районах? А если поля находятся на

северной стороне холма и получают меньше солнечного света? И как быть с участками на возвышенностях? Общие рекомендации из календаря трудно применимы в различных условиях. В отличие от них, формулу Сквонто легко использовать повсеместно. Она работает везде, где есть белки и дубы. Оказывается, эта народная примета тесно связана с температурой почвы, от которой зависит появление листвы на дубах. Она основана на пристальном наблюдении за последовательностью весенних событий, которые всегда следуют друг за другом, но могут наступить раньше или позже, закончиться медленно или быстро, тогда как календарь полагается на универсальную систему солнечных и лунных циклов.

Фрагмент 6. Официальное знание и пространства контроля

Порядок, рациональность, абстрактность и единообразие прочтения определённых систем наименования, географических и архитектурных объектов, рабочих процессов порождены иерархической властью. Я называю эти системы «способами контроля и апроприации». Простой пример: нигде в мире не существовало ныне повсеместной системы отчеств, пока государства не сочли её полезной для идентификации личности. Эта система распространилась вместе с налогами, судами, правом собственности на землю, воинской повинностью и полицией — т. е. вместе с развитием государства. Теперь ей на смену пришли идентификационные номера, фотографии, отпечатки пальцев и тесты ДНК, но первоначально средством надзора и контроля служила она. В результате появились методы, которые можно с одинаковой лёгкостью использовать для поголовных прививок и для преследования врагов режима. Они монополизируют знание и власть, но совершенно нейтральны по отношению к целям, для которых их используют.

Промышленный конвейер, если посмотреть на него с этой же точки зрения, — это разделение труда, пришедшее на смену традиционному ремесленному производству, когда только инженер-конструктор контролирует весь рабочий процесс, а рабочие в цеху представляют собой взаимозаменяемые «рабочие руки». В некоторых случаях такое производство может быть эффективнее кустарного, но нет сомнений, что этот подход всегда сосредотачивает власть над производственным процессом в руках тех, кто контролирует конвейер. Однако утопичная мечта руководства о совершенном механическом контроле не была и не могла быть реализована не только потому, что вмешались профсоюзы, но и потому, что у каждого станка есть свои особенности, и рабочего, который знал, как приноровиться к этому станку, ценили именно за это. И такое традиционное знание было необходимо для успешной работы даже при конвейерном производстве.

Там же, где важно иметь стандартный продукт, а основную часть работы можно выполнять в специально созданных для этой цели условиях, например, в цеху завода Генри Форда или, если уж на то пошло, в собирающем бигмаки кулинарном подразделении Макдоналдс, степень контроля над производством может быть впечатляющей. Расписанный до мелочей производственный процесс во франшизах Макдоналдс рассчитан так, чтобы

максимизировать контроль центра за используемыми материалами и процессами. То есть контролёр, прибывающий в ресторан с инспекцией, может оценивать франшизу, проставляя галочки в своём контрольном листе согласно протоколу, который изначально является частью процесса. Кулеры имеют одинаковый вид и расположены в заранее определённых местах. То же касается жарочных шкафов и грилей, графиков их очистки и обслуживания, бумажной упаковки и так далее и тому подобное. Идеальная форма безупречной франшизы Макдоналдс и совершенного бигмака придумана в центральном офисе компании и воплощена в архитектуре, выкладке и тренинге персонала таким образом, чтобы определять степень их близости к идеалу посредством контрольных листов и системы баллов. По своей внутренней логике фордистское производство и модули Макдоналдса являются, как заметил Эрнст Шумахер в 1973 году, «наступлением на непредсказуемость, непунктуальность, общую непокорность и упрямство живой природы, включая человека» [14].

Я полагаю, не будет преувеличением рассматривать три минувших века в качестве торжества стандартизации и вытеснения прежних порядков всеобщим захватом и контролем. Вполне логично, что этот триумф шел рука об руку с появлением крупномасштабных иерархических организаций, среди которых государство — это всего лишь один, хоть и самый яркий пример.

Список утраченного ужасает, и здесь я только начинаю перечислять то, что мы потеряли (приглашаю читателей продолжить этот список, если у них возникнет желание). Итак, стандартные национальные языки заменили собой местные диалекты. Частное товарное земледелие уступило сложному севообороту. На смену более старым районам и кварталам, построенным безо всякого плана, пришли аккуратно распланированные. Крупные фабрики и сельхозпредприятия сменили производивших разнообразную продукцию ремесленников и мелких фермеров. Бесчисленные местные обычаи присвоения имён канули в лету, а вместо них появились стандартные практики наименования и идентификации. Общегосударственное законодательство заменило собой местное право и традиции. Масштабные системы ирригации и электроснабжения пришли на смену примитивному орошению и сбору топлива в округе. Всё, что могло сопротивляться контролю и захвату, ушло, освободив место тому, что облегчает иерархическую координацию.

Фрагмент 7. Живучесть традиций

Совершенно очевидно, что в определённых случаях современные тотальные методы принудительной координации могут стать самым эффективным, целесообразным и удовлетворительным решением. Исследования космоса, планирование обширных транспортных сетей, производство самолётов и другие крупномасштабные направления требуют привлечения огромных организаций под управлением небольшого числа специалистов, которые будут дотошно, до мелочей координировать их деятельность. Для контроля над распространением эпидемических заболеваний или загрязнением тоже нужен центр, укомплектованный специалистами, которые получают и обрабатывают стандартную информацию из сотен источников.

Однако такие методы перестают действовать и часто приводят к катастрофам, когда встречаются на своём пути упрямую природу, понять которую едва ли в силах, или наталкиваются на упрямство природы человеческой, сложность которой тоже едва ли смогут уразуметь.

Типичным примером этому является неудача «научного» лесоводства, изобретенного в немецких землях в конце XVIII столетия, или некоторые формы плантационного сельского хозяйства. Желая увеличить прибыль от продажи дров и деловой древесины с единицы площади, родоначальники новой науки утверждали, что, в зависимости от почвы, максимальный объём древесины с гектара даёт либо норвежская ель, либо шотландская сосна. С этой целью они вырубали смешанные леса и посадили деревья одного вида в одно и то же время и ровными рядами, как овощи на грядках. Они стремились вырастить лес, который легко было проверять, можно было рубить в любое нужное время и получать одинаковые брёвна из стандартных деревьев (der Normalbaum). Некоторое время — почти целое столетие — эта система работала прекрасно, но затем рассыпалась. Оказалось, что первые посадки процветали за счёт ресурсов почвы, накопленных смешанным лесом, на месте которого они теперь росли и не восполняли эти ресурсы. Прежде всего, лес, состоявший из деревьев одного вида, был прекрасным местом для питания паразитов, жуков и болезней, которые атаковали шотландскую сосну или норвежскую ель. Лес, состоявший из деревьев одного возраста, также оказался более уязвим перед воздействием бурь и ураганов. Стремясь упростить лес и сделать его единой производственной территорией, приверженцы «научного лесоводства» радикально снизили его видовое разнообразие. Нехватка последнего в этом ущербном лесу ощущалась на всех уровнях: там было мало видов насекомых, птиц, млекопитающих, лишайников, мхов, грибов и растительности в целом. Планировщики создали зеленую пустыню, и природа нанесла ответный удар.

Спустя столетие с небольшим преемники создателей «научного» лесоводства, в свою очередь, превратили термины «смерть леса» (Waldsterben) и «восстановительное лесоводство» в синонимы/

Генри Форд, воодушевленный успехом форда-Т и свалившимся на него невообразимым богатством, столкнулся с подобной проблемой, когда попытался перевести свой успех в автомобилестроении в выращивание каучуковых деревьев в тропиках. Он купил расположенный рядом с притоком Амазонки земельный участок размером со штат Коннектикут и принялся создавать Фордландию.

Если бы у него получилось задуманное, его плантация могла бы давать достаточно каучука, чтобы надолго обеспечить шинами все произведённые на его заводах машины, однако этот план оказался полностью провальным. В естественной среде обитания в бассейне Амазонки каучуковые деревья произрастают то тут, то там посреди зеленого океана биологического разнообразия. Они хорошо растут в таких условиях во многом потому, что находятся достаточно далеко друг от друга, чтобы минимизировать передачу болезней и паразитов, которые предпочитают их в этом естественном месте их обитания. Голландцы и англичане привезли эти растения в Юго-Восточную Азию, где они росли в условиях плантаций неплохо именно потому, что вместе с ними не приехали все их вредители и враги. Однако при

плотной посадке каучуконосов в бассейне Амазонки всего лишь через несколько лет они пали жертвами множества болезней и вредителей, которых не могли остановить даже героические и дорогостоящие тройные прививки (когда одна ветка прививается к стволу, а затем этот ствол прививается к корню).

Покорить природу, хоть и с трудом, можно было в построенном специально для этой цели рукотворном сборочном цеху в Ривер-Руже. В тропиках Бразилии это было невозможно. Вложив миллионы долларов в этот проект, внося бесчисленные изменения в менеджмент и первоначальные планы, столкнувшись с протестами рабочих, Генри Форд был вынужден свернуть свою бразильскую авантюру.

Он начал с того, что узнал у экспертов, каким должно быть идеальное каучуковое дерево, а затем попытался изменить окружающую среду, чтобы получить задуманное. Сравним эту логику с её зеркальным отражением: отталкиваться от условий среды и выбирать растения, которые лучше всего подходят для неё. Традиционные практики картофелеводства в Андах представляют собой хороший пример земледелия, основанного на традициях и навыках. В высокогорных районах крестьянин может выращивать картофель на пятнадцати разных участках, иногда меняя их местами. Каждая делянка отличается по составу почвы, высоте над уровнем моря, ориентации по отношению к солнцу и ветру, влажности, уклону и тому, какие растения выращивались на ней раньше. Не бывает «стандартного поля». Выбирая из множества местных сортов, каждый из которых обладает определёнными, хорошо известными характеристиками, крестьянин пытается предугадать, какой из них на какой делянке сажать. Иногда на одном участке может расти до дюжины разных сортов. Каждый сезон — время новых проб, при которых внимательно учитываются результаты предыдущего сезона, например, урожайность, подверженность болезням, цена на картофель и отклик каждого сорта на изменение условий выращивания. Эти хозяйства, выращивающие картофель на продажу, представляют собой настоящие экспериментальные станции, для которых характерны хорошая урожайность, отличная приспособляемость и надёжность. Не менее важно, что в таких хозяйствах производится не только продовольствие — в них воспроизводится новое поколение фермеров и формируется общность людей, умеющих выращивать растения, применять гибкие стратегии, учитывать экологические последствия своих действий, а также обладающих значительной уверенностью в себе и самостоятельностью.

Логика экстенсивного сельского хозяйства на научной основе в Андах аналогична амазонским плантациям Генри Форда. Оно начинается с мысли об «идеальном» картофеле, что в основном, хотя и не полностью, равнозначно тому, который приносит самый богатый урожай. Затем ученые-растениеводы принимаются за селекцию генотипа, который будет наиболее полно удовлетворять желаемым свойствам. Чтобы узнать, какие условия для него наиболее благоприятны, его выращивают на экспериментальных участках. Следовательно, главная задача экстенсивного земледелия — перестроить всю среду фермерского поля таким образом, чтобы полностью реализовать потенциал нового генотипа. Это может включать и применение азотных удобрений, гербицидов и пестицидов, и специальную подготовку поля и почвы, и ирригацию, и особый режим выращивания (подбор правильного времени посадки, полива, прополки и сбора урожая). Естественно, каждый новый «идеальный» сорт за три-четыре года обычно преодолевают болезни и вредители, поэтому его

заменяют новым «идеальным картофелем», и цикл повторяется. По мере успешности этого подхода и поля, и те, кто на них работает, приводятся к единому стандарту, подобно тому, как Генри Форд стандартизировал рабочую среду и рабочих на заводе в Ривер-Руже. И конвейер, и монокультурное сельское хозяйство обязательно предполагают порабощение традиционных ремесленников и искоренение разнообразия традиционных практик.

Фрагмент 8. Привлекательность города в беспорядке

Оказывается, разнообразие любят не только цветы. Человеческая природа тоже, кажется, предпочитает быть разнообразной и отличаться от унылой одинаковости.

Расцвет модернизма в городском планировании пришёлся на первую половину XX века, когда объединение успехов в гражданском строительстве, революционных материалов и технологий, а также политических амбиций по улучшению городской среды преобразили города Запада. Своей амбициозностью этот процесс подозрительно напоминает «научное лесоводство» и плантационное сельское хозяйство: акцент ставился на визуальный порядок и разделение функций. Визуально — и я к этому ещё вернусь — архитекторы-утописты предпочитали «благородную прямую линию», прямые углы и стройность форм. Что касается расположения объектов в пространстве, почти все проектировщики предпочитали строго разделять разные сферы жизнедеятельности города: жилые и торговые районы, офисные пространства и развлечения, государственные учреждения и места для народных гуляний. Легко понять, почему для них это было удобно — взяв за основу некую формулу, можно было рассчитать площадь и протяжённость полок для определённого количества магазинов, обслуживающих конкретное количество покупателей, распланировать транспортное сообщение и так далее. Для жилья таким же образом определялась полезная площадь (из расчета на типовую семью), объём солнечного света, воды и пространства на кухне, число электрических розеток и даже детей на детской площадке. Строгое разделение функций уменьшало количество переменных в этой формуле — так было легче планировать, легче строить, легче обслуживать, легче контролировать и вообще, как казалось властям, так было приятнее глазу. Планирование пространств, предназначенных для деятельности одного рода, облегчало стандартизацию, тогда как планирование сложного города с разнообразными видами деятельности в таких условиях было бы кошмаром.

Увы, проблема была в том, что людям обычно не нравились такие города, и они изо всех сил старались их избегать. Когда же обойтись без этого было нельзя, они находили иные способы выразить своё отчаяние и презрение. Говорят, что эра постмодерна началась ровно в 15 часов 16 марта 1972 года, когда был окончательно и бесповоротно взорван Pruitt-Igoe — знаменитый многоквартирный жилой комплекс в Сент-Луисе, превратившийся в грудку обломков. Его обитатели, по сути, оставили от него только оболочку. Здания в Pruitt-Igoe были всего лишь флагом целой череды изолированных многоквартирных высоток, которые для большинства живущих там казались унижающими человеческое достоинство складами для лишних людей — социального жилья, ныне по большей части разрушенного.

Эти проекты реализовывались под лозунгами «очистки трущоб» и уничтожения «городских развалин», и уже тогда их подвергали обстоятельной и, как оказалось, заслуженной критике такие урбанисты, как Джейн Джекобс, более заинтересованные в традиционном городе с его повседневной жизнью и в том, как он работает, а не как он выглядит. Городское планирование, как и большинство других официальных схем, характеризовалось сознательной зашоренностью взгляда. Иными словами, оно целиком и полностью концентрировалось на одной цели и предпринимало шаги для её достижения. Если целью было выращивание кукурузы, то нужно было получить как можно больше центнеров кукурузы с гектара; если целью был выпуск автомобилей Форд Т, то нужно было выпустить как можно больше автомобилей при неизменной стоимости труда и материалов; если цель — медицинское обслуживание населения, то больница строилась исключительно с учётом эффективности лечения; если целью было производство древесины, то лес превращали в монокультурную систему.

Джекобс понимала три истины, на которые закрывали глаза архитекторы-модернисты. Во-первых, она отвергала выведенное кем-то ошибочное утверждение, что в каждом роде деятельности происходит что-то одно, и потому задача проектировщика заключается в том, чтобы сделать его максимально эффективным. В отличие от проектировщиков, алгоритмы которых зависели от заданных показателей эффективности — время в пути от дома до работы или наиболее рациональный маршрут доставки в город продовольствия, — она понимала, что у каждого рода человеческой деятельности есть множество целей. Мамы или папы с колясками могут одновременно разговаривать с друзьями, ходить по делам, перекусывать на ходу или искать книгу, а служащий самым лучшим моментом за день может считать обед или кружку пива в компании коллег.

Во-вторых, Джекобс точно подметила, что именно по этой причине, а также из простого удовольствия быть в гуще событий самыми привлекательными были городские районы, которые служили разным целям. Успешные территории — безопасные, приятные, богатые удобствами и экономически жизнеспособные — в основном представляли собой густонаселенные и по-разному используемые территории, где были сосредоточены и перемешаны практически все городские функции. Более того, эти районы динамично развивались, поэтому все попытки заранее определить и зафиксировать функции района на этапе его планирования Джекобс называла «социальной таксидермией».

Наконец, она объяснила, что, если брать в расчёт «обжитый», устоявшийся город, то любые попытки проектировщиков превратить таковой в произведение искусства с геометрически выверенным визуальным порядком будут не только изначально ошибочными, но и нарушат реально работающий механизм функционирования успешных городских районов.

Если посмотреть на ситуацию с этой позиции, обычная практика городского архитектурного планирования внезапно покажется по-настоящему странной. Архитектор и проектировщики вначале определяют общее видение здания или ансамбля зданий, которые они собираются строить. Это видение воплощается в чертежах и, как правило, в макетах проектируемых зданий. В газетах часто показывают сияющих городских чиновников и архитекторов, которые смотрят сверху на красивый макет, как если бы они летали над ней на вертолётах или были богами. С точки зрения обычного человека удивительно, что в жизни никто

никогда не смотрит на город с такой высоты и с такого угла. В процессе разработки плана застройки совершенно упускаются из виду наиболее вероятные ощущения реальных пешеходов, которые смотрят на город с уровня земли — зевак, глазающих на витрины, занятых людей, спешащих по делам, или бесцельно прогуливающих влюблённых парочек. В основном эти макеты представляют собой миниатюрные скульптуры, и потому неудивительно, что их так и оценивают — в соответствии с их визуальной привлекательностью, как произведения искусства, которые больше никто никогда не увидит с такой точки, если он не Супермен.

Логика моделирования и миниатюризации, характерная для официальных вариантов порядка, по моему мнению, показательна. Реальный мир беспорядочен и даже опасен. У человечества за плечами долгая история создания миниатюр для игры, контроля и манипуляции, которая легко обнаруживается в игрушечных солдатиках, машинках, моделях танков, кораблей и самолётов, кукольных домиков, игрушечных железных дорогах и так далее. Такие игрушки служат нам для вполне достойной цели — они дают нам возможность играть с тем, что заменяет реальные предметы, которые для нас либо недоступны, либо опасны, либо и то, и другое вместе. Но став взрослыми, президенты и генералы сохраняют любовь к миниатюрным игрушкам, и когда они встречают препятствия на пути трансформации упрямого и неподатливого мира, то часто поддаются соблазну манипулировать его миниатюрными — а иногда и не очень — копиями. В результате этого получаются маленькие, относительно замкнутые утопические пространства, где возможно ближе подобраться к достижению желаемого совершенства. Потемкинские деревни, образцово-показательные города, военные поселения, образцовые хозяйства позволяют политикам, чиновникам и специалистам создавать строго ограниченные экспериментальные пространства, в которых количество переменных и неизвестных сводится к минимуму. В крайнем случае, когда контроль максимален, а воздействие на окружающий мир минимально, они становятся музеями или тематическими парками. Эксперименты и должны ставиться на опытных фермах и образцовых городах, чтобы с минимальным риском опробовать идеи, касающиеся производства, дизайна и общественного устройства, а затем, в зависимости от того, насколько они удачны, перенести их в реальный мир или отказаться от них.

Однако столь же часто в случае с «дизайнерскими» столицами (такими, как Вашингтон, Санкт-Петербург, Додома, Бразилиа, Исламабад, Нью-Дели, Абуджа) эти эксперименты становятся самостоятельными архитектурными и политическими явлениями, вступающими в противоречие, зачастую намеренное, с окружающей средой. Акцент на строгую визуальную эстетику, составляющий основу таких городов, обычно приводит к появлению незаконных поселений и трущоб, кишящих сквоттерами — людьми, которые чаще всего подметают полы, готовят пищу и присматривают за детьми власть имущих, работающих тем временем в богатом и обустроенном центре. И эта обустроенность в таком случае является чистой надутостью, потому она поддерживается усилиями тех, кто живет далеко отсюда, хотя никто и не хочет этого признавать.

Фрагмент 9. Хаос, прячущийся за порядком

“ Править большим государством — как готовить маленькую рыбку.

Дао дэ Цзин

Социальное или экономическое устройство паразитирует на неформальных процессах, которые оно формально не признаёт, но без которых не может существовать и которые оно не в состоянии создавать или поддерживать само. И чем более это устройство формализовано, распланировано и отрегулировано, тем беспомощнее оно в реальной жизни. Показательным примером является обучение детей языку. Они начинают не с заучивания правил грамматики и их использования для построения предложений, а с того, что учатся говорить так же, как и ходить: через подражание, методом проб и ошибок и бесконечной практикой. Правила грамматики — это закономерности, которые можно выделить в правильной речи, а не причина правильности речи.

Пролетариат неоднократно использовал нестыковки в общественном устройстве для демонстрации истинного его облика и успешно применял их с пользой для себя. Так, когда парижские таксисты бывали недовольны новыми тарифами или порядками, введенными городскими властями, они начинали так называемую «итальянскую забастовку» (*grève du zèle*): сговорившись, они все внезапно начинали дотошно следовать абсолютно всем правилам дорожного движения, что, как и следовало ожидать, приводило к коллапсу. Зная, что дорожное движение в Париже существует исключительно благодаря постоянному и продуманному нарушению многих правил, для того, чтобы его остановить, достаточно было всего лишь перестать их нарушать — такую забастовку еще называют «строго по инструкции». Во время продолжительной итальянской забастовки сотрудники корпорации Катерпиллар вместо того, чтобы следовать рациональным схемам, к которым они давно пришли в процессе труда, принялись досконально следовать неэффективным инструкциям, разработанным инженерами, зная, что компания понесет из-за этого урон во времени и в качестве. Какими бы подробными ни были правила, они не смогут адекватно объяснить рабочий процесс ни в одном офисе, ни на одной стройплощадке, ни в каком цеху. Работа движется только благодаря неформальному, но эффективному взаимопониманию и импровизации за рамками правил.

Ярким примером того, как закоснелые производственные нормы поддерживались на плаву только благодаря неформальным договоренностям, полностью уходящим за рамки официальных схем, были плановые экономики социалистического лагеря до падения Берлинской стены в 1989 году. На одной заурядной восточногерманской фабрике было два незаменимых сотрудника, которые даже не значились в штатном расписании. Один из этих работников — «мастер на все руки» — мог хотя бы на некоторое время обеспечить работу механизмов и станков, исправляя производственные огрехи и изготавливая запчасти взамен

вышедшим из строя деталям. Второй на деньги фабрики закупал ценные и долго хранящиеся товары (например, стиральный порошок, качественную бумагу, хорошее вино, пряжу, лекарства, модную одежду), когда таковые попадали в продажу, а затем, когда предприятию позарез нужны были какие-нибудь станки, детали или сырье, не предусмотренные разнарядками, но необходимые для выполнения планов и получения рабочими премий, этот сотрудник складывал припасы в «Трабант» и отправлялся менять их на нужные фабрике ресурсы. Если бы не было таких неформальных договоренностей, производства остановились бы.

Все мы, подобно городским чиновникам, глядящим сверху вниз на изготовленный архитектором макет нового района или здания, склонны ошибочно ставить знак равенства между визуальным порядком и удобством для работы, как и между визуальной сложностью и беспорядком. Это естественная и, как я полагаю, серьезная ошибка, в большей степени свойственная модернизму. Достаточно лишь немного подумать, чтобы понять, насколько сомнительно такое сопоставление. Неужели школьники, которые носят форму и сидят за аккуратно расставленными партами, учатся лучше тех, кто обходится без формы и сидят на полу или за одним столом? Знаменитый критик современного городского планирования Джекобс предупреждала, что вычурная сложность успешного многофункционального района не эквивалентна хаосу и беспорядку, как считали многие архитекторы: да, она не была распланирована заранее, но представляет собой продуманный и устойчивый порядок. Падающие осенние листья, петляющие следы кролика, внутреннее устройство самолетного двигателя или редакция популярной газеты — отнюдь не хаос, но сложный функциональный порядок. Если понять логику и цель этих явлений, они предстают в ином свете, и отражают соответствующее их функциям устройство.

Пример такого порядка — устройство полей и садов. Современное «научное» сельское хозяйство предпочитает большие, капиталоёмкие поля, засеянные одной культурой, часто стандартизации ради гибридной или клонированной, и расположенной ровными рядами для удобства обработки и сбора урожая. При этом для создания максимально благоприятных и идентичных условий для этой единственной культуры используются удобрения, ирригация, пестициды и гербициды. Этот общий режим растениеводства можно применять в разных условиях, и он работает достаточно хорошо для «пролетарских» культур: пшеницы, кукурузы, хлопка и сои, которые терпят суровое обращение.

Стремление сельского хозяйства такого рода подняться над особенностями местных почв, ландшафтов, рабочей силы, инструментов и погоды делает его полной противоположностью традиционной агрокультуре. Огород, построенный по западному образцу, имеет много характерных особенностей: на нём представлено много видов растений, обычно высаженных ровными рядами, в каждом из которых находится только одна культура, и всё это выглядит очень похоже на полк, стоящий навтыжку во время парада. Огородники зачастую гордятся визуальным порядком на своём участке, а мы вновь видим яркий акцент на визуальную правильность при взгляде сверху и извне.

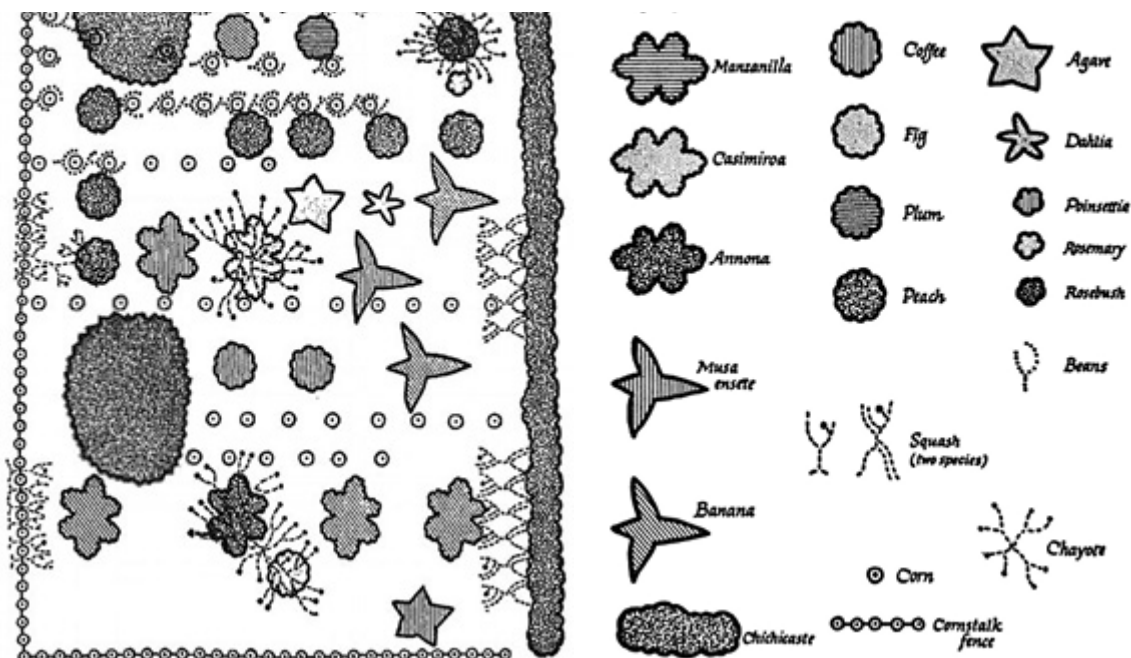
Сравним это, допустим, с тем, как возделывали сельскохозяйственные культуры жители тропической Западной Африки, с которыми распространители сельскохозяйственных знаний из Великобритании встретились в XIX веке. Англичане были в шоке. На первый взгляд

казалось, что на полях царит хаос: на них одновременно росло два, три, а иногда и четыре вида растений, и часто растения разных видов росли одно за другим, перемежаясь то тут, то там маленькими островками воткнутых в землю палок и небольшими холмиками, расположенными, казалось, в случайном порядке. Поскольку для западного человека такие поля являли собой ярчайший пример беспорядка, для него вполне естественным было предположить, что и сами крестьяне тоже невнимательны и беспечны. Распространители знаний о сельском хозяйстве немедленно принялись учить их правильным, «современным» методам ведения хозяйства, и только спустя около трёх десятилетий взаимных обид, раздражения и провалов западные люди попытались сравнить достоинства обеих систем ведения сельского хозяйства в условиях Западной Африки с научной точки зрения. Оказалось, что «беспорядок» на полях при традиционной системе представлял собой сельскохозяйственную технологию, прекрасно адаптированную к местным условиям. Использование нескольких культур и их чередование на одной грядке служили почве надёжной защитой от эрозии и позволяли использовать осадки круглый год и по максимуму. Одно растение давало другому питательные вещества или служило тенью, насыпи и холмики предотвращали овражную эрозию, а сами культуры были распределены на поле таким образом, чтобы минимизировать влияние паразитов и болезни.

Эти были не только привычные методы возделывания земли — урожайность при их использовании тоже была выше, чем в случае с растениями, выращенными согласно западным методам. Ошибка пропагандистов от агротехники заключалась в том, что они поставили знак равенства между визуальным порядком и эффективностью с одной стороны и визуальным беспорядком и неэффективностью — с другой. Колонизаторы отличались чуть ли не религиозным упованием на геометрически правильное расположение посевов, тогда как жители Западной Африки разработали успешную систему ведения сельского хозяйства без учёта геометрии.

Эдгар Андерсон, ботаник, интересующийся историей выращивания маиса в Центральной Америке, наткнулся на огород в Гватемале, который продемонстрировал, как за визуальным хаосом скрывается хорошо отлаженный эффективный порядок. По дороге к маисовым полям он увидел нечто, что вначале показалось ему заросшей кучей компоста. Только увидев, как кто-то работает на этой куче компоста, он понял, что это не просто кусок земли, а прекрасно продуманный огород, несмотря на – а вернее, благодаря — визуальному беспорядку с точки зрения европейца.

Я вряд ли смогу описать этот огород лучше Андерсона, поэтому позволю себе привести длинную цитату из его книги, в которой рассказывается о логике этого огорода, а также взять из этого же источника схему расположения растений.

“ «Хотя на первый взгляд этот огород кажется хаотичным, когда мы начали рисовать его план, то поняли, что растения посажены достаточно ровными перекрестными рядами. Здесь росли разнообразные фруктовые деревья, как местные, так и европейские: аноны, черимойи, авокадо, персики, айвы, сливы, смоковница и несколько кустов кофе. Росло здесь и несколько гигантских съедобных кактусов, а также розмарин, рута, пуансеттия и вьющаяся чайная роза. Дальше шёл целый ряд местного боярышника, из похожих на жёлтые игрушечные яблоки плодов которого делают вкусные консервы. Была там и кукуруза двух сортов — одна уже почти вызревшая и теперь служившая как шпалера для только начинающей спеть вьющейся фасоли, и другая, гораздо выше, которая выбрасывала метёлки, и невысокие банановые кустики с гладкими широкими листьями, отлично заменяющими местным жителям оберточную бумагу и использующимися для приготовления местного варианта острого тамале. По ним вились буйные побеги нескольких тыквенных культур. Когда чайот созрел окончательно, его корень весит несколько фунтов, и яма размером с небольшую ванну из-под выкопанного недавно такого корня служила свалкой и компостной ямой. В конце сада стояли маленькие ульи, сделанные из ящиков и консервных банок, и таким образом, в американских и европейских терминах этот земельный надел был одновременно огородом, фруктовым садом, компостной кучей и пасекой. Эрозия была ему не страшна: он располагался на вершине пологого склона, и поверхность почвы была практически полностью покрыта, пребывая в таком состоянии большую часть года. В

сухой сезон здесь сохранялась влага, а растения одного сорта были изолированы друг от друга посредством посадки, и потому вредители и болезни не могли распространяться от растения к растению. Урожайность была высока, поскольку, кроме отходов, в междурядья закапывались отцветшие и уже ненужные растения.

Европейцы и их американские потомки часто говорят, будто время для индейцев ничего не значит. Этот индейский огород показался мне отличным примером эффективного времяпрепровождения, причем куда более разумного, чем наше. Непрерывно созревавший урожай не требовал особых усилий — убирая кабачки, можно было попутно выполоть несколько сорняков, а после уборки бобов закопать их стебли между рядами и спустя несколько недель что-нибудь на этом месте посадить» [15].

Фрагмент 10. Заклятый враг анархистов

На протяжении последних двух столетий привычные устои рушились с такой скоростью, что следовало бы называть это их массовым вымиранием — чем-то сродни ускоренному исчезновению видов. Причина этого вымирания аналогична биологической: утрата мест обитания. Многие порядки оказались навсегда утрачены, остальные же попали под угрозу, и главный виновник которого — не что иное, как государство, в частности, современное национальное государство, заклятый враг анархистов. Его развитие и повсеместное распространение вытеснило, а затем и уничтожило множество прежних форматов политического устройства: рода, племена, вольные города и их союзы, кочевые общины и империи. На их месте теперь повсюду лишь одна форма политического устройства — сформировавшееся в XVIII веке североатлантическое национальное государство, притворяющееся универсальным. Большое видится на расстоянии: куда бы мы ни поехали, повсюду одно и то же — государственный флаг, государственный гимн, государственные театры и оркестры, главы государств, парламенты (настоящие или декоративные), центральные банки, наборы министерств, организованные похожим образом, органы безопасности и так далее. В распространении такого формата управления сыграли свою роль колониальные империи и «модернистское» подражание, а его непотопляемость обусловлена универсальностью институтов, посредством которых властная структура может интегрироваться в существующие международные политические системы. До 1989 года существовало два полюса для подражания. В странах соцлагеря, будь то Чехословакия или Мозамбик, Куба или Вьетнам, Лаос или Монголия, можно было обнаружить примерно одинаковые органы централизованного планирования, колхозы и пятилетки. После 1989 года во всем мире, за небольшими исключениями, существует единый стандарт.

Немедленно после своего возникновения национальное государство принимается делать население однородным и искоренять различия, проистекающие из прежних устоев.

Практически всюду государство начинало создавать нацию: Франция создавала французов, Италия — итальянцев, и такое национальное строительство подразумевало обеспечение однородности. Великое множество языков и диалектов, часто взаимно непонятных, приводились, во многом благодаря школе, к общему знаменателю — стандартизированному государственному языку, создававшемуся чаще всего на основе диалекта столичного региона. Это приводило к исчезновению письменности и местной литературы, устной и письменной, музыки, легенд и мифов — целых смысловых вселенных. Разнообразие местных законов и обычаев сменила общегосударственная, унифицированная, по крайней мере, в теории, юридическая система. Все прежние способы возделывания земли были забыты в угоду общегосударственной системе землевладения с регистрацией прав и их переходом от субъекта к субъекту, которые таким образом пытались уйти от налогов. Все локальные образовательные традиции, как то обучение подмастерьев, странствующие «педагоги», церковные школы и неформальные занятия — заменила общенациональная система школьного образования, которая позволяла, например, министру образования Франции хвастаться тем, что он знает, какой абзац из Цицерона учащиеся определенного класса по всей стране изучают, например, в 10:20. Такое единообразие было труднодостижимой утопией, однако в попытках достичь его удавалось добиться стирания местных обычаев.

В наши дни стандартизацию лоббируют не столько национальные государства, сколько международные организации — Всемирный Банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, ЮНЕСКО, даже ЮНИСЕФ и Международный трибунал, — и главная их цель состоит в распространении нормативов («передового опыта»), опять-таки родом из североатлантических стран, по всему миру. Финансовая мощь этих организаций такова, что неподчинение их рекомендациям влечёт за собой чувствительные наказания в виде неполучения займов и гуманитарной помощи. Для процесса институционального согласования ныне используют милый эвфемизм «гармонизация».

Не менее важную роль в процессе стандартизации играют и транснациональные корпорации. Им тоже по душе привычная и однородная космополитичная атмосфера, в которой имеются единая нормативно-правовая база, законодательство для бизнеса, валютная система и так далее. Продавая и рекламируя свои товары и услуги, корпорации постоянно формируют вкусы и потребности потребителей по всему миру.

Впрочем, об исчезновении некоторых традиций вряд ли стоит печалиться. Типичный образ французского гражданина, пришедший на смену традиционным формам патриархальной зависимости и завещанный нам Французской революцией, стал шагом на пути к освобождению. Такие технические новинки, как спички и стиральная машина, сделали ненужными огниво и стиральные доски, что значительно облегчило труд домохозяек. Так что не стоит бросаться на защиту устоев и шельмовать всеобщую универсализацию.

Однако сама стандартизация не столь щепетильна. Она склонна приводить на смену местным обычаям те, которые она называет универсальными, но которые на самом деле, как мы уже говорили, в большинстве случаев взяты у североамериканских коренных народов и переделаны на североатлантический лад. Результатом этого становится колоссальное уменьшение культурного, политического и экономического разнообразия, смешение языков, культур, форм собственности и политической власти, и самое главное — лежащей в их основе картины мира. Можно без труда представить, как в недалёком будущем бизнесмен

из какой-либо североатлантической страны, сойдя с трапа самолёта в любой точке земного шара, обнаружит там те же законы и правила (ведения ли бизнеса, дорожного ли движения), те же министерства, те же контролирующие органы — в общем, всё, к чему он привык у себя на родине. А почему нет? Ведь эти формы в сущности — его собственные. Аутентичными останется лишь кухня, музыка и народные танцы, экзотические, но поставленные при этом на коммерческую основу и превратившиеся в товар.

Версия #1

Зверобой создал 9 июня 2025 17:52:40

Зверобой обновил 9 июня 2025 17:56:44